

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИК

и
ВРЕМЯ

Сборник научных статей

ПЕНЗА 2004

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Пенза 2004

АЛЕКСАНДР ДУБРОВИН И ЛЕВ ТИХОМИРОВ: СУДЬБА ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ

...ни при каких обстоятельствах, ни при каких условиях, никто не имеет права отнять жизнь другого. Преследуй, наказывая как угодно, но жизнь не отнимай.

А.И. Дубровин

В русской политической истории XX в., несмотря на обширность проведенных исследований, есть имена, которые по разным (чаще всего идеологическим) причинам не вызвали достаточного интереса у историков. Это утверждение, прежде всего, относится к политикам правого толка: консерваторам, монархистам, националистам и т.п. Между тем, «правые» оказали существенное влияние на ход исторических событий в России. Без реконструкции социально-политических взглядов и деятельности русских монархистов рубежа XIX–XX вв. невозможно воссоздать «историческое полотно» бурных событий, происходивших в этот период в России. Исследование деятельности лидеров «Союза русского народа» дает возможность объективно оценить и понять судьбу правомонархического движения и его вождей, их место и роль в политической истории России начала XX столетия.

В дореволюционной и советской историографии центральные фигуры монархического движения не рассматривались. Исключением можно считать небольшие работы Д.О. Заславского [1] и С.Б. Любоша [2], выполненные в жанре политического портрета, которые посвящены В.В. Шульгину и В.М. Пуришкевичу. Эти работы неизбежно несли на себе печать своего времени. Если же мы обратимся к постсоветской историографии правого движения, то увидим, что публикации этого периода отличаются углубленной разработкой ряда вопросов деятельности крайне правого крыла российской политики начала XX в. Одной из историографических особенностей 90-х гг. стало активное изучение деятельности правых партий и организаций как в столице, так и в различных регионах России. Появились монографии С.А. Степанова [3], Д.А. Кошубинского [4], А.П. Толочко [5], В.Ю. Рылова [6], М.Л. Размолодина [7]. Причем издание последней из упомянутых монографий осуществлено при поддержке Ярославской региональной организации ОПОД – Партии «Единство» и Ярославской региональной общественной организации «Центр еврейской культуры Це Улмад». Под грифом Совета национальной безопасности и обороны Украины вышло первое монографическое исследование о правых на Украине [8]. Особо выделим исследования И.В. Нарского [9], получившие высокую оценку в рецензии В.Ю. Карнишина [10]. Наиболее значительными работами, несомненно, являются монографические исследования Ю.И. Кирьянова [11] и подготовленные им сборники документов [12].

Целью настоящей публикации является введение в научный оборот новых документальных источников, которые помогут лучше понять историю России начала XX в., способствовать воссозданию объективного портрета представителей правомонархического движения.

Какие факторы способствовали возникновению феномена «правых» в России начала прошлого века? Какие обстоятельства заставили преуспевающего врача А.И. Дубровина с головой окунуться в бурный водоворот революционных событий и стать во главе одной из крайне «правых» политических группировок? Какова судьба А.И. Дубровина и Л.А. Тихомирова после октября 1917 г.? Вот далеко не полный перечень вопросов, на которые в определенной мере призвана ответить данная публикация.

В публицистической брошюре В.М. Острецова, изданной миллионным тиражом, в тот период, когда научных монографий о правых еще не было, читателям предлагается следующая оценка роли и деятельности СРН и его лидера: «Создание Союза Русского Народа связано с именем А.И. Дубровина. По профессии врач... он до 1905 г. ничем не проявлял своей политической активности. Но постепенно он знакомится со многими правыми деятелями из “Русского собрания” и “Союза Русских людей”, сам бывает на различных собраниях и митингах. Постепенно вокруг него образуется кружок единомышленников...» [13]. Сам же А.И. Дубровин на одном из допросов на Лубянке рассказывал об этом периоде своей жизни: «Я испытал толчок 9 января, я попал у Красных ворот в катастрофу. Я видел кровь, видел трупы, и моя карета, когда приехал домой, была в крови. Это меня так потрясло, что я после этого задумался и после этого стал искать выход из этого положения и думал, что таким способом, образованием союза, путем эволюции мне удастся предотвратить подобные картины, какая была 9 января» [14]. Таким образом, не отвлеченные размышления о «русской идее» и не «знакомства с многими правыми деятелями», а реально пролитая кровь невинных жертв привела А.И. Дубровина в политику. Но ведь 9 января 1905 г. кровь на столичных улицах пролила власть. Почему же А.И. Дубровин возложил всю вину на революционеров-радикалов?

В данной публикации мы намеренно не затрагиваем проблему «правого террора», говоря о котором, пришлось бы рассматривать и «левый террор». Новые работы показывают, что бытовавшие в научной литературе оценки об исключительно «погромном» характере монархических партий и колоссальных масштабах террора, развернутого монархическими организациями должны быть существенно скорректированы с учетом исследований последних лет [15]. Современный историк О.В. Будницкий отмечает по поводу событий 1905 г.: «На свободы, дарованные Манифестом 17 октября 1905 г., городское дно ответило еврейскими погромами. Многие годы либеральная интеллигенция тешила себя иллюзией, что погромы были организованы правительством. 1905 год отчетливо показал, чем может обернуться свобода в стране, не имеющей ни демократических традиций, ни достаточно мощного “культурного слоя”» [16]. Российская

либеральная интеллигенция то ли не могла, то ли не хотела предположить, что шумные манифестации с хоругвями и царскими портретами, а тем более жестокие и кровавые погромы, были зачастую явлением стихийным, а не организовывались «единым центром», и «тешила себя иллюзией». Признай это, и пришлось бы существенно скорректировать свое мнение о русском народе. Конечно, это не оправдывает власти в конкретных зафиксированных случаях, когда они не прилагали усилий к прекращению погромов. Аналогично и заключение С.А. Степанова: «Нет сведений о том, что погромы были организованы из единого центра. Зато намеренное самоустранение местной администрации – это непреложный факт» [17]. В своей монографии Степанов пришел к выводу, что «черносотенный террор» сводился к трем убийствам и одному неудачному покушению на убийство. В позднем исследовании Кирьянова в отношении обвинения правых в «трех убийствах» – А.Л. Караваева, М.Я. Герценштейна, Г.Б. Иоллоса, отмечается, что в марте 1926 г. уже советский суд в Екатеринославле признал виновниками убийства А.Л. Караваева, совершенного из корыстных побуждений Шальдо и Шатохина, которые являлись его прислугой, и одной из пациенток. Что же касается М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса, то, как указывает тот же Кирьянов, к организации их убийств был причастен Департамент полиции. Согласно точке зрения Кирьянова, эта версия наиболее правдоподобна, поскольку «вполне укладывается в схему, согласно которой П.А. Столыпин, “умиротворяя” страну, ликвидируя партии “уличного действия” и устраняя опасных подстрекателей “беспорядков”, попытался создать впечатление, что вина за будоражившие общественное мнение “беспорядки” лежала не на властях, а на некоторых “союзниках”, и в этой связи козлами отпущения сделать А.И. Дубровина и его приверженцев» [18].

Думается, что в настоящее время не только бесплодно, но и опасно опять, как и столетие назад, начинать споры об «антисемитизме», «руссофобстве», «юдофильстве»; подсчитывать количество «истинно русских» и «инородцев» и т.п. В третьем тысячелетии появились новые «вызовы», которые призвано решать цивилизованное человечество. В числе этих вызовов, прежде всего, – терроризм, какой бы маской, и какой бы религией он не пытался прикрыться. В свете рассмотрения проблемы террора представляют интерес рассуждения известной в прошлом революционерки-террористки М.А. Спиридоновой о социально-психологическом феномене терроризма: «...Сейчас террористов, по-моему, не может быть. Они родятся в определенные эпохи. Наша эпоха для этого не пригодна. Не имея реальных корней в почве объективной действительности, как уродство или гомункулус, может где-нибудь возродиться “террорист”, обязательно в кавычках, из-за нелепого и вредного увлечения пропагандой и агитацией террора, которым отличается наша пресса последние годы. В миллионах, десятках миллионов экземпляров газет об этом кричат, кричат и кричат. До чего это не нужно и лишнее со стороны очень, очень видно. По-моему, такая пропаганда определенно вредна» [19]. Мысли знаменитой эсерки о

терроризме – это серьезный повод задуматься как российским политикам, так и СМИ в современной России. Но это не значит, что надо забывать собственную историю. Наоборот, только предав огласке уникальные архивные материалы, мы можем перейти к дискуссиям на подлинно научном уровне.

О многих видных монархистах начала XX в. уже вышел ряд научных публикаций, и только фигура А.И. Дубровина стоит особняком среди русских политических деятелей начала XX в. Отдельных публикаций о нем нет, за исключением небольших энциклопедических статей [20], а оценка его роли и места в политической истории России в подавляющем большинстве остается резко негативной: «погромщик», «антисемит» и т.п. Причем документальных подтверждений этому не приводилось и не приводится, по-видимому, считается как бы само собой разумеющимся, что монархист, а тем более один из основателей «Союза русского народа», не может быть приличным человеком. Некоторые исследователи даже считают, что даже сам факт научной публикации материалов о правых или консерваторах уже есть нонсенс и попытка политической «реабилитации» их взглядов [21]. Разумеется, у авторов данной статьи нет никакого желания записывать всех членов правых партий в ряды «настоящих патриотов», как это порой делают ретивые неомонархисты. Тем более, что в одной и той же партии, вне зависимости от «цвета» ее знамени, могут состоять интеллигент и люмпен, альтруист и карьерист. Поэтому еще раз подчеркнем, что главная цель публикации – это не желание «очернить» или «обелить» кого бы то ни было, а предание гласности тех документов, которые не были доступны профессиональным историкам.

К гибели А.И. Дубровина в советской историографии не было принято обращаться. В лучшем случае писали о том, что он был расстрелян как враг советской власти, а год расстрела указывали по-разному: 1918, 1920, 1921. Одно из немногих упоминаний о гибели Дубровина, основанное на документальных источниках, можно найти в 3-м издании книги Н.Н. Яковлева «1 августа 1914», выпущенном со значительными дополнениями, по сравнению с предыдущими изданиями. В ней было сказано: «Как раз в те дни, когда решалась судьба Некрасова, в апреле 1921 г. было закончено следствие по делу пресловутого доктора Дубровина, до революции председателя “Союза русского народа”... Дубровина без проволок казнили» [22]. Ни в этом издании, ни в вышедшей позднее «книге для учителя» [23] Яковлева, где дословно дублировалось это высказывание, источник информации не указывался. Других источников, кроме вышеуказанной цитаты, историки до недавнего времени не имели.

Несколько слов о последнем периоде жизни А.И. Дубровина. 21 октября 1920 г. Дубровин был арестован сотрудниками Особого отдела ВЧК в Москве по обвинению в том, что «с 1905 по 1917 гг. являлся председателем «Союза Русского Народа», который боролся с освободительным движением в России». Однако большевики были не первыми, кто после паде-

ния самодержавия подверг А.И. Дубровина репрессиям. Его «делом» занималась Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, которую возглавлял известный в то время юрист Н.К. Муравьев, и которая признала невиновность Дубровина. Находясь на Лубянке, он попытался воспользоваться этим обстоятельством, чтобы спасти свою жизнь. На одном из допросов он написал: «Теперь убежденный, что предрешающее советское правительство стоит выше мести людям за прежние убеждения и деятельность и, позволяя себе надеяться, что будет принято во внимание также и следствие, произведенное обо мне чрезвычайной судебной комиссией под председательством Н.К. Муравьева, продолжавшееся 3 месяца – март, апр[ель] и май 1917 и признавшее меня не совершившим ничего уголовного, не имея в настоящее время за собою предосудительного, ибо устранился от политики, удрученный болезнями и лечением, я беру на себя смелость надеяться, что я буду возвращен к своей настоящей работе врача 1-й Лефортовской советской амбулатории» [24]. Но попытка апеллировать к законности и гуманности оказалась тщетной. По сути, приговор ему был уже вынесен заранее, априорно. Его дальнейшая судьба была предрешена, как и многих других лидеров правомонархического движения – И.И. Восторгова, П.Ф. Булацеля, Б.В. Никольского и др. Ни возраст, никакие разумные аргументы не могли смягчить их участи. По решению Президиума ВЧК от 14 апреля 1921 г. Дубровин был расстрелян. Сведений о дате приведения приговора в исполнение и месте захоронения А.И. Дубровина в Центральном архиве ФСБ России не имеется.

«Дело Дубровина» начинается несколько необычно. В нем, вместо постановления на арест, ордера и прочих обязательных в этом случае материалов, первым документом подшита выписка из протокола президиума ВЧК с кратким решением – РАССТРЕЛЯТЬ. Для историков будет интересно, что имеются не одно, а два постановления по «делу Дубровина» с аналогичным приговором: 1) Коллегии ВЧК от 29 декабря 1920 г. и 2) заседания Президиума ВЧК от 14 апреля 1921 г.

В упоминавшейся выше работе Н.Н. Яковлев ссылается на последнюю дату – 14 апреля 1921 г. Анализ материалов архивного следственного дела №4118 в отношении А.И. Дубровина показывает следующую динамику событий. 30 октября 1920 г. Дубровину предъявляется обвинение «в контрреволюции», затем 31 октября следует последний допрос Дубровина, в котором принимают личное участие В.Р. Менжинский, М.Я. Лацис и Б.М. Футорян. На следующий день, 1 ноября, следователь Особого отдела ВЧК В.Д. Фельдман выносит заключение по делу, называя Дубровина «гнусным стариком», который «производит отвратительное впечатление на всех, кто с ним сталкивался» и полагает обвинение «в организации до революции убийств, погромов, инсинуаций, подлогов, стремящихся всей своей деятельностью задушить освобождение России», доказанным. В постановлении по делу, датированным тем же числом, тот же следователь предлагает «дело передать на рассмотрение Коллегии ВЧК с предложени-

ем [бывшего] председателя Союза Русского Народа А.И. Дубровина – расстрелять». И наконец, 11 апреля 1921 г. Фельдман направляет короткую служебную записку о передаче материалов «дела Дубровина» в Учетно-розыскной отдел ВЧК с резолюцией Г.Г. Ягоды: «т. Фельдману. Поставить на президиум. Г. Ягода» и выписку из заседания Президиума ВЧК от 14 апреля 1921 г., которая и приклеена на первую страницу обложки. Кроме того, в пакете, вшитом в дело, находятся несколько собственноручных записок А.И. Дубровина своим знакомым в Москве, которые датируются не позднее 4 декабря 1920 г.

Отметим, что А.И. Дубровин был реабилитирован через 77 лет после расстрела по заключению Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 сентября 1998 г.

Относительно благополучно сложилась судьба другого видного монархического деятеля Л.А. Тихомирова. Падение самодержавия было воспринято этим идеологом «монархической государственности», находившимся тогда в Москве, относительно спокойно [25]. Для того, чтобы проиллюстрировать его отношение к произошедшим событиям приведем обширный фрагмент из дневника за 2 марта 1917 г. (все выделения слов сделаны Тихомировым): «Судя по известиям, можно надеяться, что Временное Правительство поддержит порядок и защиту страны. Если это будет так, то нужно будет признать, что переворот произведен замечательно ловко и стройно. Впрочем, ясно, что бесконечно громадное большинство народа – за *переворот*. Видно, всем уже надоело быть в страхе за судьбы России. Несчастный Царь, может быть, – *последний*. Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию *ограниченную*. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут Самодержавие, если народу внушили отвращение к нему – действиями самого же Царя. *Посланники Французский и Английский признали Временное Правительство*. Теперь вопрос идет о *существовании* страны. Угрожает страшная Германия, а мы по уши сидели в измене, самой несомненной. Этот переворот должна бы была сделать сама Династия, если бы в ней сколько-нибудь осталось живой нравственной силы. Но – наличность условий привела к иному исходу. Теперь дай только Бог, чтобы Правительство, раз оно возникло, *осталось прочным*. Известия как будто обещают это. Перечитываю газеты, целых три. Крушение рисуется головокружительное. Прямо – всеобщее присоединение к Временному Правительству. <...> Телефонировали в Посад, спросить – не послать ли им газет? Оказывается – есть, и обе, Катя [жена Тихомирова – А.Р.] и Надя [дочь Тихомирова – А.Р.] – в полном восторге. Надя кричит по телефону – «Поздравляю с переворотом». Действительно, ужасная была власть. Если только Временное Правительство окажется прочным (что, по-видимому, несомненно), то падение Николая II будет встречено радостью по всей России. Я думаю, что основная причина гибели Царя – его ужасная жена. Но, конечно, не погибать стране из-за нее. А он – был под башмаком. И то удивительно, что так долго терпели. Я приходил к полно-

му разочарованию в России. С этой стороны, конечно, снимается со всех гнетущее чувство, и дух народа может подняться» [26].

Между тем, супруга сообщила Тихомирову из Сергиева Посада, что их дом посетили представители новой власти, угрожавшие арестовать Льва Александровича как редактора «опоры реакции» – газеты «Московские ведомости». Тихомиров предпринял ответные действия, и вскоре газеты сообщили, что 8 марта Тихомиров сам явился в милицию и дал подписку: «Я, нижеподписавшийся, Лев Александрович Тихомиров, даю сию подписку в том, что Новое Правительство я признаю и все распоряжения оного исполню и во всем ему буду повиноваться» [27]. Опасаясь возможных репрессий, Тихомиров даже решил прекратить вести свой дневник, но на следующий день ему позвонила жена и сообщила, что заходивший к ней комиссар, ранее желавший арестовать Тихомирова, полностью удовлетворен информацией о данной им подписке.

Возобновив дневник, Тихомиров сделал 10 марта следующую запись: «В газетах началось мое поругание. Какую страшную гору несправедливости взваливают на меня революционеры. Ведь я действовал искренне и честно, и притом – всегда думал о благе народа и рабочих. Зачем ругать меня служителем реакции, когда я им никогда не был? Не я ли всегда работал на дело организации рабочих, не я ли *первый* выдвинул идею созыва Собора, не я ли *первый* обличил Распутина... Дубровин в своем «Русском знамени» называл меня революционером. Глинка в «Земщине» писал, что я как был, так и остался *радикалом*. Вот как ко мне относились реакционные силы. Да и правительство – сколько я вынес борьбы с ним, и оно же меня придушило. И вот меня же поносят, с прибавкой ругательной, реакционером. Эта несправедливая ненависть меня давит, как камень» [28]

В конце мая 1917 г. Тихомиров и его двоюродный племянник Ю.К. Терапиано оказались свидетелями революционного митинга, за которым Тихомиров наблюдал, стоя на ступенях крыльца Храма Христа Спасителя, с «выражением страдания» на лице. «Вся площадь, вся улица, все громадное крыльцо храма были заполнены народом. Толпа напирала, было душно и жарко. Ишествие дефилировало бесконечно. Особенное внимание обращали на себя анархисты: они везли гроб, развевались черные знамена. Толпа орала и выкрикивала лозунги; множество солдат, расхлябанных и расхлестанных, без погон и поясов; многие из них были пьяны, шли под руку с девицами. В манифестацию влилась вся муть и накипь тогдашней революционной толпы. Оторвавшись на минуту от зрелища, я взглянул на Льва Александровича: никогда не забуду выражения страдания на его лице, как будто погибало что-то самое для него дорогое. Он был страшен» [29]. Чуть позже Тихомиров сказал «Я вспомнил, там, на площади... мое прошлое... то, что было с нами... ради этого...» [30]. Временное правительство стремительно теряло свой авторитет, власть демонстрировала неспособность удержать ситуацию под контролем, армия разваливалась. Особое опасение у Тихомирова вызывала судьба его близких:

«Конечно, я достаточно объективен, чтобы не судить об интересах России по своим интересам. Но мне страшно за семью. Бедная мама, зачем она прожила так долго! Неисповедимы судьбы Господни. Да и я сам, — почему не умер раньше?» [31]. Фиксируя в своих записях отсутствие в России каких-либо демократических традиций, Тихомиров приходил к выводу о неизбежности установления диктатуры, если не одного пролетариата, то малоимущих классов в целом, что неизбежно приведет к болезненным потрясениям. В это же время Тихомиров записывает в дневнике: «Я ухожу с сознанием, что искренне хотел *блага* народу России, человечеству. Я служил этому *благу честно и старательно*. Но мои идеи, мои представления об этом благе отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством. Я не могу признать их правыми в *идеалах*, я не могу отказаться от *своих идеалов*. Но они имеют право жить, как считают лучшим для себя. Я не могу и даже не хочу, не имею права, им мешать устраиваться, как им угодно, хотя бы и гораздо хуже, чем они могли бы устроиться. И точно — я отрезанный ломоть от жизни. Жизнь уже не для меня. Для меня во всей силе осталась одна задача, единственная: *позаботиться о спасении души своей*. Да поможет мне Бог в этом, и да будет во всем Его непостижимая Воля. Не остави меня, Господи Боже мой, не отступи от меня...» [32].

Надежды, связанные с фигурой А.Ф. Керенского, вскоре сменились разочарованием, апатией и ожиданием «второго акта смуты». 16 октября 1917 г. Тихомиров делает последнюю запись в дневнике, связанную с недолгим пребыванием в его доме сына Николая, прибывшего на побывку из Петрограда: «Вообще он утешил меня, да и всех. Благослови Господь его путь. <...> Благодарю за него Господа и славлю Его попечение. Думаю, что он будет добрым братом и сыном. С этой мыслью мне и умирать легче, если судит это Бог. Спаси его Господь!» [33].

К тому времени Тихомиров уже целиком погрузился в проблемы религиозного характера, работая над исследованием «Религиозно-философские основы истории» («Борьба за царство Божие») и повестью «В последние дни», которую посвятил своей супруге. Начало работы датировано 18 ноября 1919 г., а окончание — 28 января 1920 г. (по старому стилю). Повесть впервые была опубликована только в 1999 г. По своей направленности она перекликается с работой Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», однако не является чисто философским произведением, поскольку в ней действуют выдуманные Тихомировым герои.

Социализм и связанный с ним материализм были, по мнению Тихомирова, только «пассивным» отступлением от Бога, но еще не означали воцарение Антихриста, как это казалось многим современникам событий. Тихомиров считал, что «для перехода к активному отступлению нужно, чтобы материализм сменился какой-либо формой нового мистицизма, при котором только и возможно появление «нового бога», «иноного бога». А поскольку этого еще не произошло, то, следовательно, «последние времена» еще впереди. К моменту появления Антихриста общество, по мнению Тихоми-

рова, уже пережило испытание социализмом и материализмом. Об этом он писал в своей повести: «Последние десятилетия перед началом нашего повествования представляли, в социально-политическом отношении, господство социализма, стремившегося отлиться в рамки строгого коммунизма. Но удержаться на этой почве нигде не могли прочно, потому что в строгом коммунизме нет места свободе. Стремления к свободе постоянно прорывались в виде анархического беспорядка, который разрушал все построения коммунизма. Производительные экономические силы, таким образом, подрывались со всех сторон. Коммунизм подавлял свободную инициативу, анархизм разрушал обязательный труд. Народы погружались в бедность и необеспеченность, непрерывно переходя от полукрепостного состояния к состоянию дикого произвола...» [34].

На почве социальной нестабильности, в атмосфере ожидания «вождя», выдвигается некий Антиох, умевший подчинять себе людей. Он становится Председателем Союза Народов, который был организован из 10 держав, разделивших между собой мир. Получив власть, Антиох – Антихрист восстанавливает утраченный в результате революционных потрясений порядок: «В экономическом отношении он повсеместно сразу ввел новый строй, который, сохраняя *принципиально* государственный коммунизм и право безграничного государственного вмешательства, восстановил, на правах срочного и бессрочного *владения*, частную собственность, частное производство и вольную торговлю. Это быстро оживило производство, обеспечило частные интересы и личную инициативу и привело к такому процветанию, которое, по сравнению со вчерашней нищетой, казалось волшебным» [35]. Таким образом, Тихомиров считал, что именно Антихрист восстановит государственность, разрушенную в результате социалистического переворота и войн, и люди, истомленные бедствиями, порожденными этим переворотом, будут радостно приветствовать произведенное Антихристом восстановление порядка и говорить: «Кто подобен зверю сему». После воцарения Антиоха начинаются публичные казни. «Все храмы были конфискованы и обращены в театры, музеи, цирки, отданы под клубы и т.п. Иконы и все принадлежности богослужения сжигались целыми кострами, священные сосуды и драгоценные ризы отдавались на Монетный двор» [36]. После ряда событий начинается подготовка к последней битве. Верные Антиоху войска собираются в Армагеддон. Далее все в повести происходит в полном соответствии с последними главами Откровения Иоанна Богослова. Борьба добра и зла заканчивается Вторым пришествием Иисуса Христа. «Так замыкается круг мировой эволюции. Царство мира соделывается Царством Господа. Все созданное приходит к той гармонии, в которой было создано, после продолжительного периода, в течение которого гармония была нарушена восстанием диавола и грехопадением человека... само человечество становится преображенным, получая новые силы для жизни с Богом и исполнения Его предназначений в мире...» [37].

Все эти религиозные работы писались без какой-либо надежды на публикацию, «для вечности», а в реальной жизни нужно было как-то существовать и кормить семью. По словам С.А. Волкова, общавшегося с Тихомировым в последний период его жизни, тот «заканчивал свое жизненное странствие», работая «делопроизводителем школы имени М. Горького (бывшей Сергиево-Посадской мужской гимназии)». Ученики «к его огромному неудовольствию» прозвали бывшего монархиста (вероятно, за его бороду) «Карл Маркс» [38].

Тихомирову нужно было думать и о судьбе собственного архива. Всегда трепетно относившийся к своим записям, он пишет письмо председателю ученой коллегии Румянцевского музея: «Покорнейше прошу Вас принять на хранение в Румянцевском Музее прилагаемые при сем двадцать семь переплетенных тетрадей моих дневников и записок на следующих условиях:

1) В течение моей жизни и десять лет по моей смерти право пользоваться этими рукописями оставляю исключительно за собой и членами моей семьи: а) Е.Д. Тихомировой, б) архимандритом Тихоном Тихомировым, в) Н.Л. Тихомировым, г) Надеждой Львовной Тихомировой и д) Верой Львовной Тихомировой.

2) Через 10 лет по моей смерти рукописи поступают в распоряжение Румянцевского музея на общих основаниях.

3) Право пользоваться по п. 1 включает и право публикации» [39].

Просьба бывшего народовольца была исполнена.

В 1922 г. Тихомиров смог зарегистрироваться в КУБУ (Комиссии по улучшению быта ученых). Интересен в этой связи заполненный им в мае 1922 г. опросный лист, хранящийся в ГАРФ [40]. Называя места своей научной работы, Тихомиров, помимо прочего, перечислял и такие: Библиографический отдел Главного управления по делам печати в 1905–1909 гг., библиографические и статистические работы по составлению и изданию «Книжной летописи»; членство в Совете Главного управления по делам печати; литератор, сотрудничавший в журналах «Слово», «Дело», «Отечественные записки», «Русское обозрение»; газетах «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Московский голос», «Россия», «Русское слово» и др. В обязательном списке научных трудов были указаны и весьма двусмысленные для 1922 г. публикации: «Борьба века», «Социальные миражи современности», «Альтруизм и христианская любовь», «Личность, общество и церковь», «Земля и фабрика» и др. Особо были вписаны неизданные работы: «Религиозно-философские основы истории», «Тени прошлого» и «Основы государственной власти» (судя по всему, имелась в виду «Монархическая государственность», которую Тихомиров планировал переработать). Под заполненной анкетой стоит дата – 1 мая 1922 г., а рядом зачеркнута другая дата – 28 апреля. Получалось, что советская власть должна содержать человека, который долгие годы пропагандировал православие, самодержавие и народность, в то

время как большинство соратников Тихомирова по монархическому движению уже погибли в годы гражданской войны или эмигрировали. В ответном письме от 4 июля 1922 г. секретаря московского отделения комиссии В.П. Панаевой к Тихомирову сообщалось, что он зарегистрирован по 3-й категории – история литературы, языковедение, библиотечковедение (всего было 5 категорий, из которых высшей считалась пятая). Ему выделялась определенная денежная сумма и паек – 1 пуд 12 фунтов муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 6 фунтов масла, 30 фунтов мяса, $\frac{3}{4}$ фунта чая, 4 фунта сахара, 3 фунта соли. Возможно, что на благоприятное для Тихомирова решение повлияли ходатайства его старых соратников В. Фигнер и М. Фроленко.

Еще одним занятием Тихомирова на склоне лет стало написание воспоминаний. Многие из запланированных автором очерков так и не были написаны, но даже то, что было создано, свидетельствует об огромном желании Тихомирова поделиться с новыми поколениями опытом своей непростой судьбы. На 23 сентября 1918 г. подготовленный список тем составлял 80 наименований! А.Д. Михайлов, С.Л. Перовская, С.Н. Халтурин, К.Н. Леонтьев, П.Е. Астафьев, Вл.С. Соловьев – все они стали «теньями прошлого». Тихомиров, переживший их всех, стремился исполнить свой последний долг, запечатлеть на бумаге те «мелочи жизни», которые «нужно знать будущему историку» [41]. Воспоминания отличаются необычной мягкостью тона как по отношению к соратникам по монархическому лагерю, так и по отношению к бывшим друзьям-революционерам. Эти воспоминания, объединенные под общим названием «Тени прошлого», были полностью изданы только через 77 лет после смерти Тихомирова, который скончался в Сергиевом Посаде 16 октября 1923 г.

Тихомиров принадлежал к числу тех немногих деятелей монархического движения, которым повезло умереть на родине своей смертью. Судьба В.В. Розанова, П.А. Флоренского, М.Н. Новоселова и С.В. Дурылина, живших в одно время с Тихомировым в Сергиевом посаде, была совсем иной, как и судьба большинства правых лидеров.

Во время гражданской войны, при приближении белых к Tobольску, отступавшие красные утопили в реке Туре епископа Гермогена. 23 августа (5 сентября) 1918 г. в Москве расстреляли протоиерея И.И. Восторгова, бывших царских министров И.Г. Щегловитова, Н.А. Маклакова, А.Н. Хвостова и других деятелей рухнувшего режима. На берегу Валдайского озера расстреляли М.О. Меньшикова [42]. В Петрограде в числе заложников был расстрелян Б.В. Никольский. Та же участь постигла и П.Ф. Булацеля, расстрелянного в 1919 г. Этот же год стал роковым для А.С. Вязигина и Н.Н. Родзевича. В феврале 1920 г. скончался от тифа в Новороссийске В.М. Пуришкевич. Ненадолго пережил его Г.Г. Замысловский, скончавшийся от той же болезни. Восьмидесятилетний Д.И. Иловайский был арестован, но впоследствии, благодаря хлопотам, освобожден. На «Бутовском

полигоне» Московской области был расстрелян протоиерей, депутат IV Государственной думы от «Союза русского народа» А.Д. Мешковский.

Некогда знаменитый бывший иеромонах Илиодор в начале 1920-х гг. появился в Царицыне и объявил себя «патриархом Царицинским и всея России», но вскоре эмигрировал в США, где следы его затерялись. Политическую деятельность в эмиграции продолжали Н.Е. Марков, ставший председателем Высшего монархического совета, и скончавшийся в Германии в 1945 г., архимандрит Виталий и архиепископ (впоследствии митрополит) Антоний. На чужбине скончались Б.П. Пеликан, А.А. Ширинский-Шихматов и многие другие деятели правого движения. Активно сотрудничал с гитлеровцами Г.В. Шварц-Бостунич, получивший звание штурмбанфюрера SS и преданно служивший новым хозяевам; о чем упоминается в магнитофонных записях протоколов допросов А. Эйхмана [43].

В.В. Шульгин в эмиграции занимался политической и писательской деятельностью, затем поселился в Югославии. В 1944 г., после прихода советских войск, он был препровожден в СССР и приговорен к 25 годам тюремного заключения, а в 1956 г. освобожден [44]. Последние годы жил со своей женой Марией Дмитриевной Сидельниковой во Владимире. Был похоронен неподалеку на кладбище в Байгушах рядом с женой, скончавшейся ранее. В настоящее время обе могилы сохранились, хотя и находятся в запущенном состоянии.

На службу новой власти перешли: бывший товарищ председателя Союза русского народа А.И. Соболевский, который занимался научной деятельностью и стал впоследствии действительным членом АН СССР; бывший секретарь И.Г. Щегловитова А. Колесов. После войны принял советское подданство митрополит Евлогий. Другой правый публицист и участник монархического движения И.Г. Айвазов остался в Советской России, неоднократно репрессировался и скончался в 1964 г.

Пока точно неизвестно, как закончили свою жизнь после октября 1917 г. Г.В. Бутми, В.Г. Орлов, Н.Н. Тиханович-Савицкий.

* * *

1. Заславский Д.О. Рыцарь монархии Шульгин. – Л.: Прибой, 1927.
2. Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. – Л.: Прибой, 1925.
3. Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905–1914 гг. – М., Изд-во ВЗПИ, АО «Росвузнаука», 1992.
4. Кошубинский Д.А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001.
5. Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910–1914). – Томск, Изд-во Томского университета, 1989; Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.): Монография. – Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 1999.
6. Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии. 1903–1917: Монография. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. 2002; Бутаков А.Я. Правое

движение в Воронежской губернии. 1903–1917 / А.Я. Бутаков, А.В. Репников // Отечественная история. – 2004. – №1. – С. 185–187.

7. Размолодин М.Л. Черносотенное движение в Ярославле и губерниях Верхнего Поволжья в 1905–1915 гг. – Ярославль: Изд-во Александра Рутмана, 2001.

8. Омелянчук И.В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). – Киев: НИУРО (Национальный институт украинско-российских отношений), 2000.

9. Нарский И.В. «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг.: Материалы к исследованию «русскости». – Екатеринбург: Cricket, 1994; Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). – Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1995.

10. Карнишин В.Ю. Кадеты на Урале в революции 1905–1907 гг. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 148 с.; Карнишин В.Ю. «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале в 1905–1916 гг.: Материалы к исследованию «русскости». – Екатеринбург: Cricket, 1994. – 128 с.; Карнишин В.Ю. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). – Челябинск: Изд-во Челябинского ун-та, 1995. – 366 с. // Вопросы истории. – 1997. – №7. – С. 162–163.

11. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. – М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001; Кирьянов Ю.И. Русское собрание 1900–1917. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003.

12. Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1: 1905–1910 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998; Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: В 2 т. Т. 2: 1911–1917 гг. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998.

13. Острецов В.М. Черная сотня и красная сотня. – М.: Воениздат, Военно-патриотическое литературное объединение «Отечество», 1991. – С. 27.

14. ЦА ФСБ РФ. Д. №46850. Л. 16–29.

15. Рууд Ч.А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях / Ч.А. Рууд, С.А. Степанов. – М.: Мысль, 1993.

16. Будницкий О.В. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция / Редактор-составитель О.В. Будницкий // Евреи и русская революция: Материалы и исследования. – М., Иерусалим: Гешарим, 1999. – С. 4.

17. Степанов С.А. Черная сотня // Союз. – 1990. – №10 (март).

18. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. – С. 353–354.

19. Из заявления М.А. Спиридоновой в 4-й отдел ГУГБ НКВД СССР от 13 ноября 1937 г. ЦА ФСБ РФ. Д. №Р-48359: В 3 т. Т. 3. – Л. 39–41.

20. Степанов С.А. Отечественная история: Энциклопедия: В 5 т. / С.А. Степанов, А.И. Дубровин. Т. 2. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. – С. 92; Кирьянов Ю.И. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия / Ю.И. Кирьянов, А.И. Дубровин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. – С. 196–197.

21. Виттенберг Б.М. Консерватизм в России: прошлое или будущее? (Обзор книг о русском консерватизме) // Новое литературное обозрение. – 2002. – №58. – С. 344–354.

22. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. – 3-е изд., доп. – М.: Москвитянин, 1993. – С. 271.

23. Яковлев Н.Н. Последняя война старой России: Книга для учителя. – М.: Просвещение, 1994. – С. 245

24. ЦА ФСБ РФ. Д. №46850. Л. 14. Подлинник. Автограф. Рукопись.
25. Милевский О.А. Лев Тихомиров: две стороны одной жизни: Монография. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 454–455.
26. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 118–119 об.
27. Русское слово. – 1917. – №55. – 10 (23) марта.
28. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 125 об.–126.
29. Терапиано Ю.К. Встречи: 1926–1971. – М.: Intrada, 2002. – С. 20.
30. Там же.
31. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 132.
32. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 133–133 об.
33. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 27. Л. 143.
34. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1999. – С. 407–408.
35. Там же. – С. 409.
36. Там же. – С. 469.
37. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. – М.: Изд-во журнала «Москва», 1997. – С. 586–587.
38. Волков С.А. Возле монастырских стен: Мемуары. Дневники. Письма / Публикация, вступ. статья, примеч. А.Л. Никитина. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. – С. 282.
39. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 2. Л. 1.
40. ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 3. Л. 3–4 об.
41. Тихомиров Л.А. Тени прошлого. Воспоминания / Сост., вступ. статья и примеч. М.Б. Смолина. – М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. – С. 18.
42. Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. IV. М.О. Меньшиков: Материалы к биографии. – М.: Студия «ТРИТЭ» – Российский Архив, 1993.
43. Йохен фон Ланг Протоколы Эйхмана. Магнитофонные записи допросов в Израиле. – М.: ТЕКСТ, Дом еврейской книги, 2002. – С. 25–26.
44. Репников А.В. Судьба монархиста в России (страницы политической биографии В.В. Шульгина) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2002. – №3. – С. 76–86; В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из Архива ФСБ / Предисловие, публикация и комментарии А.В. Репникова, В.С. Христофорова // Новая и новейшая история. – 2003. – №4. – С. 64–111; Репников А.В. В.В. Шульгин: обзор документов личного фонда / А.В. Репников, В.С. Христофоров // Вестник архивиста. – №3–4 (75–76). – 2003. – С. 176–186.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Шелохаев В.В.</i> СТОЛЫПИНСКИЙ ТИП МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ	7
<i>Зверев В.В.</i> «ВЛАСТЬ ЗЕМЛИ» И «ВЛАСТЬ ДЕНЕГ» (МИР РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.И. УСПЕНСКОГО).....	33
<i>Карпишина Н.Г.</i> ПОЛИЦИЯ: СТАТУС И ПОЛНОМОЧИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ.....	60
<i>Шевнина О.Е.</i> МАССОВЫЕ НАСТРОЕНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА В ХОДЕ ПОДГОТОВКИ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г. (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ).....	73
<i>Логачева Н.В.</i> СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ СЕРЕДИНЫ 1870-х гг.: НАПРАВЛЕНИЯ, МЕТОДЫ, ФОРМЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА	79
<i>Селезнев Ф.А.</i> РОЛЬ БУРЖУАЗИИ В ОРГАНИЗАЦИИ ВСЕРОССИЙСКИХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СЪЕЗДОВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ	85
<i>Гарбуз Г.В.</i> МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ И АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 гг.	96
<i>Карпишин В.Ю.</i> НА ПУТИ К САМОИЗОЛЯЦИИ И ПОТЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ: ВЛАСТЬ В СТОЛИЦЕ И ПРОВИНЦИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	109
<i>Макаров В.Г., Репников А.В.</i> АЛЕКСАНДР ДУБРОВИН И ЛЕВ ТИХОМИРОВ: СУДЬБА ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ САМОДЕРЖАВИЯ	131
<i>Чиняков М.К.</i> БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКИХ ВОЙСК НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ (ИЮНЬ 1916 – АПРЕЛЬ 1917)	145

ИСТОРИК И ВРЕМЯ

Сборник научных статей

Редактор А.Г. Темникова
Корректор О.В. Морев

Сдано в производство 04.06.04. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типогр. №1.
Печать трафаретная. Усл. печ. л. 6,51.
Заказ №148И. Тираж 100.

Отпечатано в информационно-издательском центре ПГУ
Пенза, Красная, 40, т.: 56-47-33

